

устоявшиеся производственные процессы и разработать новые бизнес-модели. Такая работа настоятельно требует строгого учета правовых последствий этих действий. Наиболее полно она должна проводиться на уровне отраслей, где бизнес-сообществу следует стремиться сосредоточить свою деятельность на соответствующих положениях законодательных актов и правовых оценках. При этом магистральным направлением здесь останется требование неукоснительного соблюдения закона и согласованных правил, чтобы избежать риска уголовной и гражданско-правовой ответственности как для компаний, так и для их органов.

Поскольку цифровая трансформация производства и цепочек добавленной стоимости приводит к совершенно новым требованиям, недостаточно охваченным существующей нормативно-правовой базой, возрастает управленческий риск. Здесь важны защита данных, ИТ-безопасность и корпоративная ответственность. Аспекты, связанные с Индустрией 4.0, пока редко определяются законом напрямую, анализ и обобщение прецедентов и правоприменительной практики в юридической литературе отсутствует. В таких случаях производители и разработчики должны определить и задокументировать потенциальные риски, которые могут привести к ответственности. Это позволит в случае возникновения спора доказать, что они стремились к минимизации риска до причинения ущерба в соответствии с современным уровнем техники.

Угрозы киберпреступности, глобальная коррупция и быстрые технологические изменения — вот вызовы, которые предъявляет нам Индустрия 4.0 уже сегодня. В таких условиях, компании должны соответствовать стандартам, заложенным в действующем законодательстве, чтобы гарантировать, что деятельность организации соответствует существующим правилам и нормам. Требования, которым должна соответствовать организация, включают в себя действующее законодательство и свободы в этом отношении немного. Кроме того, организация должна соблюдать различные добровольные обязательства, такие как отраслевые или организационные стандарты, кодексы, принципы надлежащего управления, а также социальные и этические нормы, признанные в организации. Индустрия 4.0 приведет к тому, что органы управления и лица ответственные за соблюдение нормативных требований будут находиться под более пристальным наблюдением и подвергаться более тщательному анализу при обнаружении серьезных недостатков в нормативных требованиях. К учреждениям будет предъявляться более строгие требования по применению целостного подхода к контролю за разного рода нарушениями, включая киберпреступность.

Литвинцев Денис Борисович

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

«Умный» многоквартирный дом как субъект социально-экономических отношений

Цифровизация повседневности и активные исследования этого процесса в последние годы в России и в мире все чаще выдвигают на первый план феномен

«умного» дома, в т.н. многоквартирного (МКД). Аналогия с умными машинами А. Тьюринга делает актуальным вопрос «может ли дом мыслить?» (либо его альтернативную постановку [1]). Представляется, что для ответа на него необходимо обратиться к исследованиям Э. Гидденса.

Жилище - это экспертная система. В отсутствии экспертного знания большинство обычных жителей не представляют как устроен их МКД в инженерно-техническом плане и попросту уверены в его надежности и безопасности (что связано с наличием экспертного знания у тех, кто его проектировал и строил) [2, с. 24]. Они не в состоянии определить, является ли регулировка, например, температуры в системе теплоснабжения автоматической (в зависимости от погодных условий) или это результат работы слесаря-сантехника в подвале дома. В этом смысле тест А. Тьюринга применительно к МКД может заключаться именно в возможности жителями отличить результат работы автоматики дома от ручного труда.

Наиболее актуальны подобные рассуждения применительно к высотным МКД, оборудованным многочисленными автоматизированными инженерно-техническими системами. Принимая во внимание этот факт можно утверждать, что подобные «умные» дома могут рассматриваться как субъекты жилищных отношений, являющихся экономическими.

Во-первых, «умный» дом участвует в создании, распределении и потреблении экономических благ. Если рассматривать в качестве этого коммунальные ресурсы, то «умные» МКД создают горячую воду (подогревая холодную с помощью теплоносителя, для оплаты чего применяется двухкомпонентный тариф), распределяют иные коммунальные ресурсы (теплоснабжение, электроснабжение и др.) и непосредственно потребляют часть из них на «собственные нужды» (в целях содержания мест общего пользования - освещения подъездов, их уборки и т.п.).

Во-вторых, если рассматривать социальное взаимодействие жителей МКД в дискурсе акторно-сетевой теории М. Каллона, Б. Латура и Дж. Ло, то умный дом как материальный объект также является действующей единицей социальных отношений. В данном случае МКД как жилище - это не просто предметный проводник между индивидом и социальным актом по П. Сорокину [2, с. 23], но и сам непосредственно вступает в отношения с жителями относительно экономических благ (коммунальных ресурсов). Неслучайно О. В. Хархордин идентифицирует товарищество собственников жилья как сеть техно-социальных элементов [3, с. 26].

Таким образом, современный МКД будучи «умным» может рассматриваться не просто как материально-технологическая среда (по С.Г. Кирдиной), в которой развиваются жилищные институты и релевантные социальные практики повседневности, но и как не-человек (nonhuman), непосредственно включенный в социальную сеть его жителей. Данное утверждение, безусловно, является достаточно дискуссионным (учитывая спорность акторно-сетевого подхода), что требует дальнейшего изучения и эмпирического подтверждения.

Источники и литература

- 1) Литвинцев Д. Б. Виртуальная социальность и новая постановка вопроса

Тьюринга // Наука. Философия. Общество: материалы V Российского философского конгресса: в 3-х томах, Новосибирск, 25-28 августа 2009 г. - Новосибирск: Издательство Параллель, 2009. - С. 339-340.

- 2) Литвинцев Д. Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2020. - Т. 23. - № 1. - С. 7-34.
- 3) Хархордин О. В. Куда идет теория практик: поворот к материальности // Социологические исследования. - 2012. - № 11(343). - С. 20-34.

Макаренко Екатерина Игоревна

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, РФ

Проблемы внедрения искусственного интеллекта в промышленности

К искусственному интеллекту (ИИ) принято относить технологические решения, позволяющие имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Интеллектуальные искусственные системы связаны с цифро-визацией, формированием метавселенной, как в ее виртуальном проявлении (VR), так и в смешанном (дополненном) формате (AR) (от англ. augmented reality, AR — «расширенная реальность») — технологии, которые дополняют реальный мир, добавляя любые сенсорные данные. Системы искусственного интеллекта все больше входят в нашу жизнь, В.К.Левашов и О.В.Гребняк ставят вопрос уже о цифровом обществе и формировании культуры цифрового общества [1].

Промышленность согласно Национальной программе «Цифровая экономика РФ» отнесена к приоритетным отраслям экономики нашей страны, где цифровые технологии и ИИ должны внедряться с особой эффективностью и быстротой [2]. Однако реальная ситуация в этой сфере не совсем благоприятная. По данным Росстата происходит замедление скорости внедрения передовых производственных технологий (связанных с цифрой): если в 2010 году соотношение количества внедрённых технологий «6 и более лет» к «до одного года» составляло 4,5, то в 2019 оно уже стало 8,3[3]. Безусловно, замедление скорости внедрения тормозит развитие промышленного сектора и снижает производительность труда.

Еще одним проблемным полем в вопросах внедрения в промышленности искусственных интеллектуальных систем является значительные сложности с переходом на отечественное оборудование. Официальные данные показывают, что отношение количества приобретенных за рубежом технологий к количеству российских растет: в 2010 оно составляло 0,52, а в 2019 уже 0,57. Российская экономика пока не может обходиться без зарубежных технологий и оборудования. Более того, ее зависимость от импорта увеличивается, в РФ разрабатывается и внедряются, в первую очередь, новые для нашей страны технологии, но уже используемые в мировой практике, а принципиально новых все меньше. Таким образом, можно констатировать снижение количества